

Теология жизни. Как Ницше, убивая Бога, воскресил его

Михаил Эпштейн

Журнал "Звезда", 5, 2015, С. 247 - 254
<http://magazines.russ.ru/zvezda/2015/5/14epsh.html>

Книга: Михаил Эпштейн. Религия после атеизма. Новые возможности теологии. М., АСТ-пресс, 2013, 223 - 232.

Противопоставление Бога и жизни имеет давнюю традицию, но яснее всего она обозначилась в 19 в., в философии А. Шопенгауэра и Ф. Ницше. Для А. Шопенгауэра отрицание жизни и той всемогущей, слепой, стихийной воли, которая втолкнула нас в нее, составляет достоинство христианства (как, впрочем, и буддизма). "Для того, в ком воля обратилась и отринула себя, этот наш столь реальный мир со всеми его солнцами и млечными путями - ничто". Это "'ничто'... в качестве последней цели стоит за всякой добродетелью и святостью".¹

Ф. Ницше, следуя Шопенгауэру, тоже противопоставляет жизнь и христианство, но при этом превозносит ту самую "всемогущую волю", которую призывает подавить Шопенгауэр. Для Ф. Ницше христианство - это отвратительный нигилизм, замороженность царством "ничто", отрицание всего могучего и красивого, вырождение инстинкта жизни.

Вот вкратце ницшевское кредо:

"Что хорошо? — Всё, что повышает в человеке чувство власти, волю к власти, самую власть.

Что дурно? — Всё, что происходит из слабости".²

Для Ницше сама идея Бога противоречит жизни и ведет к ее опустошению и угасанию:

"Христианское понятие о божестве (Бог как Бог больных, Бог как паук, Бог как дух) — это понятие есть одно из самых извращённых понятий о божестве, какие только существовали на земле... Бог, выродившийся в *противоречие с жизнью*, вместо того чтобы быть её

---

¹ А. Шопенгауэр. Собр. соч. в 5 тт., т. 1. Мир как воля и представление. М., "Московский клуб", 1992, С. 378.

² Ф. Ницше. Антихрист. Соч. в 2 тт. М.: Мысль, 1990, т.2, С. 633.

просветлением и вечным её *утверждением*! Бог, объявляющий войну жизни, природе, воле к жизни! Бог как формула всякой клеветы на «посюстороннее», для всякой лжи о «потустороннем»! Бог, обожествляющий «ничто», освящающий волю к «ничто»!.." ³

Как видим, при всей противоположности оценок Шопенгауэр и Ницше сходятся в том, что христианство есть отрицание жизни и устремление к ничто. Для Шопенгауэра это великое "ничто", "ничто" подвижников и мудрецов. Для Ницше - это презренное "ничто", которое вот уже две тысячи лет обескровливает жизнь, лишает ее вкуса, страсти, силы.

Но если мы вчитаемся в Евангелие, то найдем в нем утверждение власти жизни, причем столь мощное и последовательное, что она перерастает свои временные пределы и претворяется в жизнь вечную, неиссякающую. И буквально, и переносно, в притчах, Иисус освящает рост, плоды, восхождение семян, претворение воды в вино, умножение хлебов, исцеление больных, воскресение мертвых.

"Я пришел для того, чтобы имели жизнь и имели с избытком" (Иоан. 10:10)

Евангелие, буквально "благая весть", - это весть о непрестанном возрастании жизни, от горчичного зерна до Царствия Небесного, которое само уподобляется горчичному зерну, ибо оно - наименьшее из зерен, а превращается в наибольшее дерево. Жизнь понимается в Евангелиях иначе, чем у Ницше: это жизнь не столько властвующая, присваивающая, вождедеющая, сколько дающая и способная к бесконечной жалости, снисхождению и умилению, т.е. постижению силы в слабом, величия в малом, благодати в униженном и обиженном.

Достаточно перечитать Евангелие *после* чтения Ницше, так сказать, в обратном порядке, чтобы обнаружить глубину этой дальней перспективы, открывающейся за более близким, привычным планом.

Ницше:

"Слабые и неудачники должны погибнуть: первое положение *нашей* любви к человеку. И им должно ещё помочь в этом.

Что вреднее всякого порока? — Деятельное сострадание ко всем неудачникам и слабым — христианство".⁴

Евангелие от Матфея (гл. 5):

---

³ Ницше, цит. соч., С. 644.

⁴ Ницше, цит. соч., С. 633.

- ³Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное.
⁴Блаженны плачущие, ибо они утешатся.
⁵Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю.
⁶Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся.
⁷Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут.
⁸Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят.
⁹Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими.
¹⁰Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царство Небесное.

Для Ницше сила побеждает, власть торжествует, удача всегда права. И наоборот, слабое и неудачное умирает, больше того, оно заслуживает смерти. Здесь предикат суждения совпадает с его субъектом: сила - сильнее, власть - властительнее. В заповедях блаженства, наоборот, предикат противоречит субъекту. "Нищие духом" (т.е. нищенствующие по своему духовному выбору) наследуют главное богатство - Царство Небесное. Плачущие - утешатся. Кроткие - наследуют землю. Малое и незащищенное, открытое и болящее оказывается живее, чем крепкое и несокрушимое, потому что вмещает в себя тайну и противоречие жизни, которое Ницше стремится сгладить, превратить в борьбу за власть и уничтожение слабых. Но в том и состоит жизнь живого, что она не сводится к тождеству, к силе сильных и слабости слабых, но, напротив, утверждает себя самоотдачей и жертвой, и слабейший оказывается сильнейшим.

Та жизнь, которая выступает образцом величия и мощи у Ницше, в евангельском свете представляется мертвенной: она наращивает себе мускулы, но при этом не чувствительна к бедности, к голоду и болезни, она только приумножает себя и попирает жизнь вне себя. Это идеал кесаря, это Калигула и Сталин в одном лице, как у Б. Пастернака в "Докторе Живаго", где по сути излагается теология жизни:

"А что такое история? Это установление вековых работ по последовательной разгадке смерти и ее будущему преодолению. Для этого открывают математическую бесконечность и электромагнитные волны, для этого пишут симфонии. Двигаться вперед в этом направлении нельзя без некоторого подъема. Для этих открытий требуется духовное оборудование. Данные для него содержатся в Евангелии. Вот они. Это, во-первых, любовь к ближнему, этот высший вид *живой энергии*, переполняющей сердце человека и требующей выхода и расточения, и затем это главные составные части современного человека, без которых он немислим, а именно идея свободной личности и идея *жизни как жертвы*. Имейте в виду, что это до сих пор чрезвычайно ново. Истории в этом смысле не было у древних. Там было сангвиническое свинство жестоких, оспую изрытых Калигул, не подозревавших, как бездарен всякий поработитель. Там была хвастливая мертвая вечность бронзовых памятников и

мраморных колонн. Века и поколения только после Христа вздохнули свободно. Только после него началась жизнь в потомстве, и человек умирает не на улице под забором, а у себя в истории, в разгаре работ, посвященных преодолению смерти, умирает, сам посвященный этой теме." (выделено мною – М. Э.)⁵

Жизнь понимается в христианстве тоньше и красочнее, чем "воля к власти", она состоит не из торжества и права сильного, но из терпения и надежды. Именно в годы жесточайшего гонения на христианство Б. Пастернак и О. Мандельштам, совсем не церковные люди, нашли самые глубокие слова для выражения его животворящего духа. У Мандельштама есть удивительное прозрение в христианскую наполненность жизни: проникнутой ожиданием, надеждой, вниманием к чужому. Жизни кроткой, нежной и именно поэтому углубленной в тайну вечно, непобеждаемо живого.

Немного тёплого куриного помета
И бестолкового овечьего тепла -
Я всё отдам за *жизнь*: мне так нужна забота,
И спичка серная меня б согреть могла.

Взгляни - в моей руке лишь глиняная кринка,
И верещанье звёзд щекочет слабый слух,
Но желтизну травы и теплоту суглинка
Нельзя не полюбить сквозь этот жалкий пух.

Тихонько гладить шерсть и ворошить солому,
Как яблоня зимой, в рогоже голодать,
Тянуться с нежностью бессмысленно к чужому,
И шарить в пустоте, и терпеливо ждать.

Вот образ жизни в ее наименьшем остатке, прорастающей через смерть, через пустоту, через голод и холод, через невозможность выжить. Христианство есть наука и искусство выживания в мире, обреченном смерти. Это скорая помощь для терпящих жизненное крушение. Это узкий путь спасения для тех, кто хочет выжить вопреки всему равнодушию мира к себе и себя к миру. Тепло помета - но все-таки тепло; остывающая жизнь, но и она может согреть кого-то. Овечье тепло - бестолковое, все бредут кучей, стадом, неизвестно куда - но все-таки общность. Желтизна травы, теплота суглинка, жалкий пух - таковы эти остаточные и необходимые признаки жизни у Мандельштама. "...И шарить в пустоте, и терпеливо ждать". Подчеркивается бессмысленность, бестолковость этого ожидания - и его неистребимость, упорство самых малых ростков жизни.

---

⁵ Б. Пастернак. Доктор Живаго. Соб. соч. в 5 тт., т.3. М., Худ. лит, 1990, С.14.

Вот чего Ницше не охватывает своей философией жизни. Ему ведом только абсолютный максимум и неведом абсолютный минимум, та немощь, в которой свершается сила. Неведома сила всех тех блаженств, которые обещаны кротким, алчущим, нищим. Мир Ницше исполнен мощи и великолепия, но лишен выхода в другое измерение, в "Царство Небесное", и поэтому обречен вращаться в колесе вечного возвращения. Для Ницше нет источника благодати и чуда, потому что жизнь производится только из самой себя, из биологических оснований, и никакой дух свыше не идет ей навстречу, не совершает чудес исцеления и воскрешения.

2 Кор. 12:9 "Но Господь сказал мне: "довольно для тебя благодати Моей, ибо сила Моя совершается в немощи". И потому я гораздо охотнее буду хвалиться своими немощами, чтобы обитала во мне сила Христова".

Христианство настолько одержимо жаждой вечной жизни, что пренебрегает многими дарами жизни земной, - но не потому, что не ценит ее, а потому, что хочет ее полного торжества за пределом времени и смерти. Как замечает Г. К. Честертон,

"настоящая смелость — почти противоречие: очень сильная любовь к жизни выражается в готовности к смерти. <...> Солдат, окруженный врагами, пробьется к своим только в том случае, если он очень хочет жить и как-то беспечно думает о смерти. Если он только хочет жить — он трус и бежать не решится. Если он только готов умереть — он самоубийца; его и убьют. Он должен стремиться к жизни, яростно пренебрегая ею..."⁶

Христианство идет на штурм вечности, а где штурм - там и жертва:

11 Я есмь пастырь добрый: пастырь добрый полагает жизнь свою за овец.

Иоан, 11:25 Иисус сказал ей: Я есмь воскресение и жизнь; верующий в Меня, если и умрет, оживет.

Иоан. 12:24 Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно, пав в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода.

25 Любящий душу свою погубит ее; а ненавидящий душу свою в мире сем сохранит ее в жизнь вечную.

Но попробуем дальше распространить эту парадоксальную логику христианства на самого Ницше. В его лице христианство проходит через жесточайшее интеллектуальное испытание, страдает, умирает - чтобы возродиться в постнищевской теологии жизни, теологии воскресения.

---

⁶ Г. К. Честертон. Ортодоксия, в его кн. Вечный Человек. Пер. с англ. Н. Л. Трауберг. М.: Политиздат, 1991, гл. 6. <http://www.chesterton.ru/orthodoxy/chapter06.html>

Ницше яростно обличал христианство, христиан и самого Христа, назвав свою итоговую книгу "Антихрист. Проклятие христианству". И тем не менее очень многое в его речах против христиан напоминает слова самого Христа, обличающие книжников и фарисеев. В какой-то степени Ницше проникнут христианским духом - в ту эпоху, когда само христианство, после столетий господства в качестве официальной религии, стало приобретать некоторые черты фарисейства. "Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что уподобляетесь окрашенным гробам, которые снаружи кажутся красивыми, а внутри полны костей мертвых и всякой нечистоты" (Матф. 23:27). Ницше - низвергатель христианства и вместе с тем свидетель и даже воскреситель его творческой правды, которая была вытеснена законом и буквой.

Вот краткий символ ницшевской веры из его "Воли к власти":
(фрагмент 1033):

"Утверждающие аффекты: - гордость, радость, здоровье, половая любовь, вражда и война, благоговение, красивая повадка, манеры, сильная воля, дисциплина высокой духовности, воля к могуществу, благодарение земле и жизни - все, что изобильно и хочет отдавать, и дарует жизнь, и облагораживает, и увековечивает, и обожествляет - вся мощь преобразующих добродетелей... всякое согласие с жизнью, да-сказание, да-деяние".⁷

Из 36 знаменательных слов я выделил 24, т.е. две трети, - именно те, где ницшевское утверждение совпадает с христианским. Можно ли усомниться, что тот, кто исцелял больных и воскрешал мертвых, утверждает радость и здоровье не меньше, чем хронически больной Ницше, страдавший от множества ведомых и неведомых недугов: головных болей, несварения желудка, ломоты в костях... наконец, проведенный одиннадцать лет в клиническом безумии. Тридцатилетний Ницше сообщает о себе: "Непрекращающаяся боль; многочасовые приступы дурноты, схожие с морской болезнью; полупаралич, во время которого у меня отнимается язык, и для разнообразия жесточайшие припадки, сопровождаемые рвотой (в последний раз она продолжалась три дня и три ночи, я жаждал смерти).⁸ И таких дней в каждом году у Ницше было около двухсот. Неудивительно, что из подобных недугов рождается философская галлюцинация: сверхчеловек, сверхздоровье и сверхмогущество. Но она не подкреплена личным опытом. По-настоящему здоровому человеку свойственно сочувствие к больным и слабым, а не стремление столкнуть их в пропасть ("падающего подтолкни"). Здоровый любит жизнь в ее мельчайших проявлениях и, по крайней мере, чтит бытие. Будущий Мессия, по словам пророка Исая, трости надломленной

⁷ Ф. Ницше. Воля к власти. М.: Культурная революция, 2005, с. 542.

⁸ Письмо к Отто Эйзеру в янв. 1880 г. Ф. Ницше. Соч. в 2 тт. М.: Мысль, 1990, т.1, 28.

не переломит и льна курящегося не угасит.

Гордыня - один из смертных грехов, и многие теологи толкуют ее как корень человеческой греховности. Но гордость, если понимать под этим высокое представление о своем предназначении, вовсе не чужда христианам. Человек, державший говорить о себе, что он Сын Божий, посланный выполнять волю своего Небесного Отца, вовсе не страдал от избытка скромности. И к ученикам своим он предъявляет требование "быть совершенными, как совершенен ваш Отец Небесный". Такие устремления предполагают высоту самосознания, волю к святости как образу Бога в человеке. Бог очеловечился, чтобы человек обожился, - в этом есть гордость, если понимать под последней не утверждение своих личных заслуг, а сознание своего высшего предназначения, радостное чувство избранничества, которое никак не исключает готовности положить душу свою за други своя. Само смирение Иисуса, который "смирил себя до смерти", есть проявление этого высокого избраннического служения. Гордость определяется в словарях как "чувство собственного достоинства, самоуважения", а "гордыня" - как "непомерная гордость". Гордыня тем и отличается от гордости, что человек приписывает все лучшее себе, тогда как гордость берет на себя самое трудное. Человек не может не гордиться тем, что Бог верит в него и поручает ему владычествовать над всей землей, а потом посылает своего Сына в человеческом облике, чтобы спасти этот гибнущий род.

"Когда взираю я на небеса Твои - дело Твоих перстов, на луну и звезды, которые Ты поставил, то что есть человек, что Ты помнишь его, и сын человеческий, что Ты посещаешь его? Не много Ты умалил его пред ангелами; славою и честию увенчал его; поставил его владыкою над делами рук Твоих; всё положил под ноги его..." Псалом 8:4-7

Это и есть самооценка верующего, Божьего избранника, в котором нерасторжимы гордость и смирение. Ты вознес меня, недостойного, над всей тварью, и поставил выше всех во вселенной, сделал образом своим и подобием. Гордыня - это омертвевшая гордость, которая превращает свою избранность в некую субстанцию превосходства, тогда как гордость - это живой мотив действия, устремления, надежды. Я горжусь тем, что мне вручены таланты, и стараюсь приумножить их, чтобы оказаться лучшим работником на Твоем поле, Господи.

"Вражда и война". Христос провозгласил: "...не мир пришел Я принести, но меч", и сказал о разделениях, которые войдут в народ и в семью: между родителями и детьми, братьями и сестрами. Но он же заповедал и миротворчество. "Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими" (Матф., 5:9). Это одно из тех противоречий Евангелия, которые укрепляют его жизненность. Мир - это благо, миротворчество - добродетель. Но само учение миротворчества, призыв к миру разделяет людей; одни принимают, откликаются на этот зов, другие - отвергают. Таким образом, сам

мир, сам призыв к смирению и к Царству Небесному становится мечом, разделяющим людей.

И наоборот, то, что у Ницше не совпадает с христианскими ценностями, переоценкой которых он всю жизнь занимался, - то не совпадает (удивительно!) и с реальным обликом самого Ницше. Воля к могуществу? Современники отзываются о Ницше как о кротком, благовоспитанном человеке невзрачной наружности, с тихим нравом и деликатными манерами. Чувственная любовь? Известно лишь об одном случае влюбленности Ницше, к тому же безответной (в Лу Саломе), а о его половой жизни известно лишь то, что она, скорее всего, была ему неведома, т. е. он оставался девственником.

Никак нельзя считать, что Ницше подавал впечатляющий пример соблюдения собственных заветов. Скорее его писания отталкивались от его скромного, бедного приключениями опыта, нежели подтверждали этот опыт и находили в нем свидетельство своей жизненности. Ницше - типичный романтик, упивающийся сверхобразами жизни, воли, могущества, за которыми стоит его собственная кабинетная отрешенность, робость и одиночество.

Ко всем ницшевским сверхидеям нужно присоединять приставку "гипер-", которая имеет два взаимосвязанных значения: *супер* и *псевдо*. *Гипер* - это некая сущность, возведенная в такую гиперболическую степень, что она превращается в собственную имитацию. Такими "гипер" пронизаны все революционные феномены 20 в.: "материализм" - гиперматериальность, "коммунизм" - гиперсоциальность, "сексуальная революция" - гиперсексуальность... Все эти "гипер" на самом деле ведут к разрушению материальной жизни, к разрыву социальных связей и к психоаналитическим интерпретациям секса, подменяющим его витальность. Ницше - гипервиталист, он наделяет жизнь такими свойствами, которые обнаруживают схоластическую и галлюцинаторную природу этого "праздника жизни" - измышления большого и одинокого ума, на практике бесконечно далекого от того дионисийства, которое провозглашает в теории.

Но именно поэтому Ницше суждено было стать обновителем христианства в большей степени, чем многим достопочтенным богословам. Порою Бог благоволит к богоборцам больше, чем к богопослушникам; достаточно вспомнить бунт Иова, который оказался правее перед лицом Бога, чем его уныло-благонамеренные друзья. Ницше - такой бунтарь, который, убивая Бога в себе, бессознательно готовит Его воскресение. Николай Бердяев много писал о том, как Ницше-антихрист способствовал возрождению религиозной и особенно христианской философии в начале 20 в.

Знаменательно, что Сальвадор Дали, воспитанный своим отцом в духе чистейшего материалистического безбожия, нашел источник религиозного вдохновения, впервые прикоснувшись к Ницше:

"Он имел смелость утверждать: 'Бог мертв!' Что? Я только что узнал, что Бога не существует, а теперь кто-то сообщает мне, что он умер. ...Вместо того чтобы дальше подтолкнуть меня к атеизму, Ницше посвятил меня в вопросы и сомнения предмистического вдохновения, которое достигло блаженной вершины в 1951 году, когда я провозгласил мой 'Мистический манифест'" (ознаменовавший обращение Дали в католичество).⁹

Ницшевское "Бог умер" - совсем не то же самое, что стереотипно-атеистическое "бога не существует". Если Бог умер, значит, он когда-то был жив, а следовательно, может и воскреснуть, тогда как несуществующий бог (именно так, с маленькой буквы, как писалось это слово в советское время) не может ни жить, ни умирать, ни воскресать. Таково различие между живым богоборчеством Ницше и безбожием марксистско-ленинского толка, которое просто не признает существования Бога. Богоборчество заостряет религиозную проблему, а безбожие устраняет ее.

Действительно, сама идея страдания и смерти Бога содержит в себе религиозный подтекст, очевидный как христианам, так и язычникам. Уже впадая в безумие, Ницше подписывался под своими последними письмами то как "Дионис", то как "Распятый". Своей философией он хотел послужить экстатическому Дионису и противопоставлял его "безжизненному" Христу. Но в момент то ли безумия, то ли последнего прозрения оказалось, что это взаимозаменяемые имена, - и сам Ницше, по сути, стал фигурой их взаимопревращения. *Распятый* и *воскресший* оказался богом жизнеобильным и животворящим, богом-виночерпием, как, собственно, и сам Христос в Кане Галилейской, в первом совершенном им чуде - превращении воды в вино, которым предвосхищено было последнее и наивысшее чудо: превращение смерти в жизнь. Христос - Дионис вечной жизни. Так Ницше, проповедник Жизни, стал не только строительной жертвой атеизма 20-го века, но и предтечей нового, постатеистического христианства.

Ницшевская критика христианства столь же односторонняя, как христианская критика Ницше. Христианство гораздо ближе Ницше по духу, чем он сам думал и допускал. А Ницше гораздо ближе по духу христианству, чем допускают многие из тех, кто считает себя христианами.

Славой Жижек в своей книге "Болящий Бог: Инверсии Апокалипсиса" показывает, что именно христианство воплощает языческую мечту о безмятежной радости, тогда как само язычество исполнено страхов перед богами и уныния перед лицом смерти:

---

⁹ Salvador Dali. *Diary of a Genius*. New York: Prentice Hall Press, 1965, p. 7.

"Умонастроение язычества глубоко меланхолично: даже если оно проповедует жизнь, полную удовольствий, все равно над этим витает девиз 'наслаждайся, пока есть время, потому что в конце тебя всегда ждет смерть и распад'. Смысл христианства, напротив, бесконечная радость за обманчивой поверхностью вины и отречения".¹⁰

Кажется, что в христианстве есть непоследовательность. Если высшая цель - Царство Небесное, то стоит ли заботиться о жизни земной, о здоровье, сытости, нарядах, имуществе? Об этом и говорится во многих поучениях Иисуса: не накапливайте сокровищ, не заботьтесь об одежде, отбросьте попечение о завтрашнем дне... Цель - спасение души, в жертву которому нужно принести всякое земное благополучие, и вообще "царство Мое не от мира сего". А между тем главные чудеса Иисус совершает, исцеляя больных, насыщая голодных, оделяя, делаясь, т.е. заботясь именно о здоровье и сытости. То же самое противоречие и в жизни христиан, в их молитвах. С одной стороны, "не уповай, душа моя, на телесное здравие и на скоромимоходящую красоту..." ("Три канона"). А вместе с тем молятся о здравии своем и ближних, о хлебе насущном, об избавлении от врагов и злых обстоятельств, т.е. о мирском благополучии. Нет ли здесь двоемыслия?

Но суть в том, что и здоровье в этой жизни, и спасение в той, – это одно и то же: способы выживания личности, ее неуничтожимости. Вот почему молитвы за здоровье тела и за спасение души не противоречат друг другу, это одна молитва: Господи, даруй мне вечную жизнь, которой нет без Тебя. Даруй мне жизнь иную, как Ты подарил мне эту жизнь. Христианская весть - именно преемственность земной и небесной жизни, усиление жизненности как таковой, в ее возрастающем торжестве и победе над смертью.

Конечно, небесное царствие дальше отстоит от живущих, чем земное, поэтому и приходится постоянно напоминать о том, что нужно поступиться чем-то в жизни временной, чтобы обрести жизнь вечную. Евангелие озабочено тем, чтобы правильно выстроить перспективу, и поэтому ставит главный акцент на "жизни будущего века", несколько принижая ценности этой жизни, которые и без того значимы для нас, поскольку мы еще здесь, а не там. Но это та же самая жизнь, досмертная и посмертная, и стремление к бессмертию не исключает, а предполагает здоровье, радость, красоту, изобилие здесь, на земле. Поэтому ницшевская антихристианская философия жизни вполне вписывается в более объемную *теологию* Жизни, которая сложилась в христианстве.

¹⁰ Slavoi Žižek and Boris Gunjević. God in Pain: Inversions of Apocalypse. New York: Seven Stories Press, p. 36. Жижек ссылается на Честертона, с его апологией веселого христианства: "Внешняя его сторона — строгая стража этических ограничений и профессиональных священников; но внутри жизнь человеческая пляшет, как дитя, и пьет вино, как мужчина, ибо лишь ограда христианство берегает языческую свободу". Г. К. Честертон. Ортодоксия, цит. изд., гл. 9. <http://www.chesterton.ru/orthodoxy/chapter09.html>